

АНАТОЛИЙ
ГАЛКИН

КРУТЫЕ ИГРЫ

**ЕЩЕ
НЕ
ВЕЧЕР**

Еще не вечер

Анатолий Галкин

Крутые игры

«Автор»

Галкин А.

Крутые игры / А. Галкин — «Автор», — (Еще не вечер)

Сыщикам из агентства «Сова» новое дело кажется простым. У банкира пропала жена!.. Зимой она поехала в Крым и исчезла!.. Ничего удивительного. Такое часто бывает. Лучший сыщик «Совы» Олег Крылов едет в Севастополь, начинает поиски и сразу попадает в пасть к тиграм!.. За ним гоняются по всему городу бандиты, его подставляют местные менты, в него стреляют в Херсонесе, его заставляют быть киллером... А завязка этой истории начинается в 1920 году. Тогда в одной из пещер на окраине Севастополя были спрятаны сокровища уходящей Белой армии...

© Галкин А.

© Автор

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анатолий Михайлович Галкин

Крутые игры

ГЛАВА ПЕРВАЯ

10 января 1997 года. Москва

Андрей вел машину очень осторожно. Сегодня ему не нужны были непредвиденные задержки в пути.

Сегодня он не мог опоздать, а потому не спешил...

Сообщение от Хохла он получил еще вчера вечером... Текст был обычный, стандартный: «Завтра в десять утра встреча на базе. Обязательно жду. Иннокентий».

Впрочем, раньше Хохол сообщал проще и короче: «Жду». И всё тут!

А на этот раз появилось длинное и совершенно не нужное слово «обязательно»... Как будто раньше его вызов был не обязательным... Как будто раньше после такого сообщения Андрей мог не появиться пред «светлые очи пана Семена».

Андрей улыбнулся, заметив, что в своих размышлениях назвал одного и того же человека тремя разными именами.

Имя «Иннокентий» они придумали вместе... Это вроде пароля для связи с Андреем.

И правильно! Незачем оставлять следы в эфире. Сотовый телефон – он только на первый взгляд безопасная штука. Любой радиоловитель соорудит устройство для контроля и записи сообщений. Знать бы только, какой номер отлавливать.

А дальше – работай! Анализируй разговоры и сообщения. Сопоставляй даты, места, имена... Так вот, «Иннокентий» и был придуман именно для такого случая. Если и слушает их «вероятный противник» с Лубянки или с Петровки, то ему не одну поллитровку надо будет выпить, чтобы разобраться в этих именах. И для кого Хохол – Иннокентий, для кого Викентий, а для кого Семен.

Сам-то Хохол, как он не запутается?.. Правда, он головастый. Не зря же он для своего окружения – шеф, батя, старик...

Говорят, что лысина так просто не появляется...

Если мозгам в голове тесно, они прут во все стороны и волосы заодно выдавливают... А Хохол лысый как коленка.

Это уже точно, что мозгам тесно в его черепушке... И то, правда, что не долго им в заточении мучиться. Очень уж много охотников помочь им на свободу вырваться...

Хохол – он, конечно, мужик не глупый, но такие умники долго не живут.

Хохол... эту простую кличку Андрей помнил еще с детства... Лет с пятнадцати.

Они жили в одном дворе, в большом «генеральском» доме на Горького. И Андрей наверняка видел Семена Тарасовича Грошавеня... Видел, но не запомнил его. Очень он был неприметный.

А известным всему дому Хохол стал в день своего ареста по какому-то «валютному» делу.

Уже к вечеру весь дом знал от словоохотливых понятых, что в квартире «этого хохла» вскрывали паркет, под которым «золотых монет разбросано, как гальки на пляже в Сочи».

Особенно интересовал всех рассказ о пачках американских денег, которые в последний момент были извлечены из подоконника. Понятые, купаясь в лучах славы, обстоятельно поясняли:

«Пачки толстые, а что толку? Очень, надо сказать невзрачные деньги... Серые такие. С одной стороны только зеленоватые... И все одинаковые! Что тебе десять, что пятьдесят, что сто... Одно слово – доллар!.. И чего он на них позарился? Уж если и копить деньги, то наши. Яркие, приятно посмотреть... Рубль – он желтый, а червонец, понятное дело, – красный. Все как у людей».

...Вновь Семен Тарасович появился в их дворе только через пять лет.

Московской прописки его, естественно, лишили, но в старой квартире продолжали жить его мать и тетка.

Хохол появлялся у них каждую неделю, стараясь не попадаться на глаза участковому... Впрочем, что мог сделать молоденький лейтенант с тридцатипятилетним мужиком, имеющим три высших образования: историческое, экономическое и пятилетку мордовских лагерей?

При любой встрече с участковым Хохол заявлял, что «в настоящий момент направляется за сто первый километр к месту постоянной прописки. В Москве бывает часто, потому что очень любит свою мамашу... Еще вопросы есть? Вопросов нет!»

Андрей к этому времени приобрел двухлетний опыт десантника и странную кличку Дрюсь... Странную лишь на первый взгляд. Просто вначале он был Андрюха, потом Дрюха, а затем Дрюсь.

Несмотря на свою осторожность, Семен Тарасович сразу начал привлекать Андрея к делам. Но через год, когда начался смутный период череды генсеков, хохол вдруг исчез.

Вновь они встретились лишь три года назад.

Андрей часто вспоминал потом эту встречу и этот удивительный по лаконичности и влиянию на всю его жизнь диалог:

– Как дела, Дрюсь?

– Нормально.

– Сидел?

– Да.

– Долго?

– Три года.

– За что?

– Да не тот сейф вскрыли.

– Стрелять не разучился?

– Не должен бы... Я шесть лет назад мастера спорта получил.

– Слышал! Поэтому и спрашиваю... Знаешь что, Дрюсь, есть у меня к тебе дело на десять зелененьких.

Сразу после этого Хохол показал Андрею свое удостоверение.

Теперь господин Грошавень был помощником депутата. Правда, это был не самый известный политический деятель, но зато проходил по спискам самой скандальной партии.

Уже через месяц Андрей выполнил первое боевое задание.

Он до сих пор не понял, была ли это просто проверка или кому-то так необходимо было убрать этого старика из коммуналки на Мясницкой...

Скорее всего, кто-то из богатеньких положил глаз на эту шестикомнатную квартиру с видом на Кремль и на Лубянку... А старик, вероятно, мешал... Есть еще такие несговорчивые старики.

Андрей старался никогда не думать о своих «клиентах», как о живых людях... Когда-то он работал, как в тире. Там тоже есть мишени. Если стрелок их продырявил, то приходит

смотритель, срывает со стендов пришедшие в негодность листы, комкает их и бросает в большой деревянный ящик.

А уже через минуту на их месте красуются новенькие мишени, не подозревающие о том, что их ждет.

Вот они мы, попробуй-ка, попади в нас!

Правда, тот тир, в котором он проторчал почти год, упорно пробиваясь к званию мастера спорта, – тот тир и сейчас всегда открыт для него.

Можно заскочить на часок, пострелять, потрепаться, попить кофейку... И линия огня всегда на месте! Нет ветра и тумана. Светло, и мишени никуда не бегают! Не орут от страха и не прячутся от тебя после первого неудачного выстрела.

...Андрей посмотрел на часы и стал перестраиваться в первый ряд.

Он решил выбрать удобное место и постоять на обочине пять-шесть минут.

Нельзя было опаздывать, но и раньше появляться даже на минуту – совершенно незачем. В любой игре есть свои правила. В его деле одно из обязательных условий – точность.

И все-таки, почему на этот раз Хохол употребил фразу: «Обязательно жду»?

Странно это!

Семь клиентов ушли в мир иной просто так, а восьмой должен уйти обязательно.

Андрей не мог допустить, что Хохол вставил это слово случайно. По недомыслию или от волнения... Не тот это человек!

Хохол ничего просто так не делает.

Ровно в девять пятьдесят восемь Андрей остановил машину перед воротами неказистого заведения с надписью «Ремонтная база».

Это было небольшое частное предприятие, расположившееся на краю оврага, вдоль которого тянулся двухкилометровый ряд гаражей.

Основная хитрость была в том, что хозяин ремонтной конторы соорудил переезд через овраг, за которым проходила не очень бойкая дорога, терявшаяся в лесном массиве.

Андрей был уверен, что три минуты назад Хохол на своем джипе въехал с той стороны оврага во внутренний дворик конторы и сразу же пересел на неприметную светлую «семерку»... Андрей выдал три коротких гудка.

Ворота мгновенно открылись и еще быстрее закрылись, проглотив темно-синюю «Ниву» Андрея.

На площадке не было ничего настораживающего.

Все как всегда... Как надо!

Джип стоит под навесом, «семерка» с включенным двигателем готовится к броску, хозяин бежит открывать противоположные ворота.

Андрей молча сел в машину рядом с Хохлом... Они лишь обменялись взглядами. Разговаривать они будут потом, вне машины, на опушке леса, где на сотни метров просматриваются возможные подходы...

Когда они вышли из машины, Андрей продолжал молчать... Хохол для него – почти хозяин, пусть он и начинает беседу.

Грошавень тоже не торопился.

Важнее сейчас осмотреться, почувствовать, не изменилось ли настроение у Андрея, не запаниковал ли он, не скурвился ли.

Впрочем, с таким послужным списком у него уже нет другой дороги... Его поезд набрал такую скорость, что не повернуть, не соскочить.

– Ты, Дрюсь, уши пошире раздвинь – я тебе приятное буду говорить.

– Всегда готов слушать.

– Я, было, думал тебя сегодня немножко воспитывать. Я же твой старший товарищ. Я должен тебя наставлять, учить, критиковать, дрючить периодически... Так вот – не смог я повода найти. Нет у тебя зацепки, к чему можно придраться ... Чисто работаешь, Дрюсь!

– Стараюсь.

– Профессионалом ты стал высокого класса... Я сам удивляюсь! По последней твоей акции, по банкиру в Хамовниках, такой хай подняли... И тишина! Даже место выстрела определить не смогли... Охранники знаешь, какие показания дают? Как в песне: «Вдруг пуля пролетела, и хозяин наш упал»... Все!

– Ты, Тарасыч, не тяни резину... Все это мне очень приятно, но давай ближе к телу... Я так понимаю, что ты мне больно хитрое задание придумал. И теперь никак не можешь подступиться. Боишься, что я откажусь?.. Или мы первый день знакомы?

– Ну, убил, Андрюха! Наповал убил! И как ловко ты меня раскусил!.. Так меня прямо мордой по батарее провел. Туда-сюда... А ведь я о тебе пекусь! Хотел нервишки твои побережь. Хотел с подходцем, остороженько.

– Да говори ты уже.

– На этот раз ты не со мной будешь работать. В Крым поедешь, к теплому морю.

– Это в январе-то?

– Море там, может и не теплое, а так – нормально, градусов десять тепла. И воздух чистый, прозрачный – оптика сбиваться не будет.

– Это ты, Тарасыч, намекаешь, что издалека придется работать?

– Не знаю я, Андрюха! Это я сам дотумкал... Мне только намекнули, что им надо какую-то московскую шишку снять. А это значит, толпа народа будет вокруг... Здесь клиента в подъезде не подкараулишь.

Несколько минут они стояли молча.

Вначале их отвлёк от разговора лыжник, приближавшийся к ним по едва заметной старой лыжне... Но в ста метрах он остановился, огляделся и, развернувшись на месте, стал на большой скорости удаляться, демонстрируя профессиональный размашистый шаг.

Затем их внимание привлекла стайка синиц, равномерно облепивших небольшой куст... Периодически птицы как по команде взмывали вверх и, сделав над поляной небольшой круг, также одновременно занимали прежние места...

Грошавень не мог снова начать разговор. Он чувствовал себя весьма неудобно.

Три года они работали в паре, и он был для Андрея единственным и очень надежным заказчиком.

Нет, конечно, Дрюсь выполнит любое поручение. Куда он денется!.. Но очень не хотелось вот так, из-под палки.

Да и для себя тут есть определенная опасность!

Кто знает, насколько там аккуратно будет работать Зубр... Но и отказать ему он не мог... Не по понятиям это! Они же не просто кореша. У них старая дружба, политая кровью!

С Зубром, или Ильей Коровенко, Хохол познакомился еще во время первой отсидки... Тот сидел за простенький грабеж, но уверял всех, что он «политический» и что деньги ему были нужны исключительно для организации борьбы за свободную Украину.

А такое великое дело требует очень больших денег. «Да хйба ж бэз грошей такэ великэ дило зробишь?»

Сейчас Зубр боролся за свободу Украины в героическом Севастополе.

Хохла никогда не волновали политические идеи... Он интересовался политикой, но в меру, как одессит: «А что я с этого буду иметь?»

А с Зубра и его команды он мог поиметь кое-что... По украинским меркам это была огромная сумма, но и по российским – достаточно большие деньги.

– Ты, Андрей, не бери в голову!.. Все будет путем! Вот тебе билеты на завтрашний ночной поезд... Вещи и инструменты на месте получишь... Собирайся как в командировку. И легенду можешь себе такую взять: мол, ты – зеленый эколог-ихтиолог! Мол, борешься ты за чистоту Черного моря. Чтоб, значит, всех мидий не сожрали.

Хохол заразительно засмеялся собственной шутке, но, увидев смурное лицо Андрея, осекся и продолжал деловым тоном:

– На вокзале тебя встретит мой старый приятель Коровенко. А ты будешь звать его Зубром... Смешная кличка, правда?.. Вот он тебе и даст заказ.

– Значит ты, Хохол, меня этому Зубру в аренду сдал?

– Тьфу, дурак!.. Обиделся?.. Какая к черту аренда? Ты на работу едешь... И не за просто так! Ты знаешь, сколько я тебе дам?.. Помнишь последнего своего банкира, ноябрьского? Мало я тебе за него отвалил?.. Так ты считай, что сейчас одним выстрелом трех банкиров уложишь.

11 января 1997 года. Москва

Голос Павленко звучал в телефонной трубке взволнованно и даже как-то испуганно.

Савенков хорошо знал характер своего старого школьного друга. Даже самые серьезные переговоры тот проводил с шутками-прибаутками.

Это был врожденный оптимист, и выбить его из этой колеи могло только что-то действительно важное и очень страшное.

Такой серьезный голос был у Сергея Павленко тогда, в мае прошлого года, когда он вытащил Савенкова к себе на Кипр и предложил срочно создать детективное агентство. Для чего? Надо было срочно защитить его, благородного предпринимателя, от гнусных козней жалких вымогателей и шантажистов.

Конечно, сейчас, когда вся эта история завершилась полным триумфом нового детективного агентства «Сова», сейчас обо всем этом можно вспоминать с той или иной долей иронии... Но тогда, прошлым летом, всем было не до смеха и шуток.

Молоденькая «Сова», решившая быстро распутать маленький криминальный клубочек, неожиданно увидела, как дело «жалких шантажистов» разрастается. Ситуация начинала выходить из-под контроля. Пришлось столкнуться с убийствами, похищениями, покушениями и исчезновениями... Одним словом – приключений было выше крыши!..

Да, все это было почти год назад.

Сейчас у «Совы» не было недостатка в клиентах. Но основным «объектом охраны» всегда был Сергей Сергеевич Павленко.

Кроме того, он был основным акционером агентства. И, значит, основным его хозяином. А хозяин – барин!

Поэтому взволнованный Павленко даже не просил, а просто приказал Савенкову немедленно собрать всех сотрудников в офисе «Совы» в Беляеве.

Быстро по тревоге удалось найти только Олега Крылова и Варвару Галактионову.

Правда, в этой ситуации Миша Марфин как программист был не очень нужен... А вот нужный человек – Илья Ермолов – застрял в Рузском районе, распутывая дело о жулике, продавшем два дома на берегу Москвы-реки.

Павленко ввалился в офис с шумом и грохотом, таща за собой растерянного и спотыкающегося мужчину в больших роговых очках.

Спутнику Сергея Сергеевича было, на вид, лет сорок пять... На нем были дорогие фирменные вещи, но одевался он в спешке или в большом волнении. Один конец белоснежного шарфа чуть выглядывал около шеи, зато другой спускался ниже пояса.

На рубашке не были застегнуты три верхние пуговицы, но этот недостаток частично скрывал шикарный косо завязанный галстук.

Черная норковая шапка гостя была лихо сдвинута к левому уху.

– Знакомьтесь, друзья, – прогрохотал Павленко, завалившись на диван прямо в дубленке. – Считайте, что это мой брат – Шорин Юрий Петрович. Беда у него!.. А вы можете помочь. Я в вас не сомневаюсь ни на... эту, как ее – юту, ету... Ни на грамм не сомневаюсь!.. Говори, Шорин! Как можно подробнее. Тут, брат, знаешь – одна мелочь все может решить. У меня в «Сове» такие Мегрэ работают. Такие Агаты Кристи сидят...

– Вы бы разделись, – встрепелась Варвара при упоминании Агаты Кристи. – Жарко тут у нас... А я быстро чай с коньяком приготовлю.

– Это можно, – добродушно согласился Павленко, – только не надо мешать. Либо то, либо другое!.. И в большом количестве. Но только не чай... Да начинай же, Шорин.

Юрий Петрович долго выбирал место.

Он хотел сесть лицом ко всем... Затем обнаружил непорядок в своей рубашке, вскочил и стал застегивать пуговицы, повернувшись лицом к стене... Потом он долго поправлял галстук, протирал очки...

Павленко молчал, стиснув зубы и нетерпеливо ерзая на диване.

В старых характеристиках обычно писали: «выдержан и морально устойчив»... И если Павленко даже мечтать не мог о второй части этой формулировки, то выдержку он демонстрировал сейчас с большим успехом.

Правда, его хватило на три-четыре минуты.

– Да начнешь же ты, наконец?.. Ну, ты и Тортилла!.. Это черепаха такая... Кончай, Шорин, кота тянуть... за всякие разные места. Береги народное время! Минуты-то бегут... А для тебя сейчас время – деньги... И не только деньги. Жизнь твоей жены – это тоже немало важно.

– Да-да, жена, – встрепелся, наконец, Шорин. – Моя жена исчезла!

Он сделал многозначительную паузу и начал опять поправлять галстук. Но, увидев грозно поднимающегося с дивана Павленко, торопливо продолжил:

– Она у меня единственная... То есть, первая жена. Мы не так давно поженились. Всего пять лет... Она очень красивая. Она блондинка, такая вся золотистая, рыжеватая...

– Вы не волнуйтесь, Юрий Петрович, – теперь уже не выдержал Савенков. – До ее внешности мы дойдем, но в свое время. А пока с самого начала. Когда она исчезла?

– Три дня назад...

– И вы только сейчас к нам пришли?

– Нет, все не так.

Шорин сделал паузу, сняв очки и взглянув на визитную карточку Савенкова.

– Все вовсе не так, Игорь Михайлович. Зоя Александровна уехала в Севастополь десять дней назад. Поездом... Она очень самолеты не любит! Так я ей билеты в люксе взял, в СВ. Я оба места в купе выкупил, чтоб даже рядом никто... И вот она уехала. А я провожал...

– Значит, ваша жена поехала в Севастополь? Да еще первого января?

– Второго! Первого мы еще отмечали, то есть встречали... Очень большая компания была. Все руководство нашего банка... На природе встречали. Елка настоящая, шампанское в сугробах, салют... Вы знаете, поросенка пытались на углях приготовить – не прожарился.

– А она вам звонила из Севастополя?

– Сразу же!.. Утром четвертого января... Она очень в этом смысле обязательная. Она каждый день потом звонила. И я ей звонил.

– Где, простите, остановилась Зоя Александровна?

– В гостинице... В лучшей гостинице. Она так и называется «Севастополь». Это в самом центре, около Приморского бульвара.

– Знаю, Юрий Петрович, – чуть заметно улыбнулся Савенков. – Только там нет Приморского бульвара. Эта гостиница на проспекте Нахимова, а с другой стороны, снизу – набережная Корнилова.

– Верно, набережная. Она обо всем мне рассказала... У нее две комнаты было. Люкс, естественно!.. Из окон – море, паромы, лебеди... Нет, точно – лебеди! Они там зимуют. А я и не знал.

– В каком номере она жила?

– В люксе! Я на жене не экономил... В триста двадцатом. Вот и телефон ее... Вы представляете, только у нее во всей гостинице горячая вода была. Нагреватель такой на стенке... Израильский.

– Так все-таки, Юрий Петрович, зачем она поехала в Севастополь?

– Правильно вопросы ставишь, Савенков, – вступил в разговор Павленко, который уже несколько успокоился и уютно расположился на обширном офисном диване. – А ты, Шорин, не юли, не уходи в сторону лебедей и еврейских нагревателей. Они и в Москве всех нагревают... Ты, Шорин, фактуру давай. Факты!.. А уж аргументы пусть наши Сократы сочиняют. На то они и сыщики... Варвара, ты ведь много коньяка принести грозилась. Не вынуждай меня самого в магазин бежать.

– Уже несу, Сергей Сергеевич.

– И не рюмку, а фужер. Поняла? Фужер!.. А вы, господа, продолжайте работать. Я вас свёл, я свое дело сделал... Мавр сделал свое дело – мавр может пить коньяк.

Шорин смущенно посмотрел на Савенкова, но, вдруг вспомнив его последний вопрос, начал торопливо отвечать:

– Вы спросили, зачем она поехала? Отвечаю – дом покупать!.. Она очень море любила... Она дом хочет купить на самом берегу, чтобы закат, чайки, ночные купания... Глупость, конечно. Какой сейчас дом на Украине? У них же там полный развал и разруха... Хуже, чем у нас.

– Не на Украине, а в Украине, – добродушно проворчал Павленко, наливая себе второй бокал. – А ты, москаль, не трожь нашу нэньку Украину... Хочет она разваливаться – пусть себе разваливается. Но самостоятельно. Самостийно!.. Мы не холопы, а вы не бары...

– Юрий Петрович, – продолжал Савенков, – вы сказали, что она звонила оттуда... Сколько раз?

– Каждый день! И я звонил каждый день... Она – утром, а я – вечером... Последний раз она звонила в восемь утра восьмого. Это по московскому времени. А у них там семь утра было... Все не как у людей, вы уж простите меня, пан Павленко.

– Валяй, лей всё в одну кучу! Мешай нас, хохлов, с навозом, – добродушно разрешил Павленко, приступая к наполнению третьего бокала. – Имперское у тебя мышление, Шорин. Не даешь ты моей исторической родине свободно развиваться... Семь утра ему не нравится? Да пусть хоть час ночи делают! Так нет, вам надо, чтобы как в Москве.

– Вот именно, они там готовы любую глупость сделать – но только не как в Москве... Что-то ты, Павленко, не едешь на свою историческую родину. Взял бы да поехал!..

– Ну вот, начались гонения по пятому пункту... А в Украину я, Шорин, не могу поехать. В Америку – могу, в Англию – могу... Даже в Германию – могу!.. А вот в Полтаву – не могу... Языков я, Шорин, не знаю. С «ридной мовой» у меня плохо.

Савенков начал серьезно нервничать. Ему никак не удавалось удержать беседу в деловом русле.

Мало того, что от волнения Шорин не может сосредоточиться, так теперь еще изрядно охмелевший Павленко будет отвлекать.

Пока всю значимую информацию можно уложить в два-три предложения.

Впрочем, Савенков по опыту знал, что невозможно заранее определить, какая информация станет отправной точкой в поисках исчезнувшей рыжей Зои.

Важным может оказаться и эта разница во времени, и нагреватель на стене, и лебеди, зимующие в бухте. Обязательно надо все запомнить, записывать надо. Записывать!

Савенков мгновенно подскочил к шкафу, извлек оттуда и установил на столе магнитофон с огромным, величиной с кулак, микрофоном.

Как он мог забыть об этом?! Магнитофон – лучший способ заставить людей привести в порядок свои мысли и заставить замолчать праздных говорунов.

– Вы, я надеюсь, не против? – Савенков указал на магнитофон и быстро, не дожидаясь ответа, включил его. – Я очень боюсь важные детали пропустить... Продолжим. Юрий Петрович, вы звонили жене девятого?

– Неоднократно! И девятого, и десятого, и сегодня утром... Я и в администрацию гостиницы пытался звонить. Есть там у них такая Туркина Лидия Сергеевна. Очень, знаете, ехидная дамочка. Все проверила! За номер уплачено, вещи на месте, а Зои нет... И эта Туркина меня так спокойно спрашивает: «А может быть, ваша жена у друга ночует?»

– Извините, Юрий Петрович, но надо учитывать даже и такие невероятные версии...

– Я так и знал! И вы такое могли подумать?! Я один в ней не сомневался... И вот вам всем доказательство, что я был прав.

Шорин начал лихорадочно рыться во внутренних карманах пиджака и, найдя нужную бумажку, ударом ладони припечатал ее к столу, уронив микрофон.

– Здесь все ясно сказано... Она похищена!

Сотрудники «Совы» удивленно переглянулись. Такого поворота никто не ожидал.

Им сложно было понять, почему Шорин сразу не начал разговор с этого письма похитителей... Однако у каждого своя логика!.. Вернее – свой уровень ее наличия... Или отсутствия!

– Уважаемый Юрий Петрович, вы сегодня получили эту бумагу?

– Естественно!.. Сегодня днем я извлек ее из ящика и сразу бросился к Сергею... А он притащил меня к вам.

– Скажите, а вчера вы что-нибудь из своего ящика извлекали?

– Нет!.. И позавчера – нет. Я в этом году первый раз открыл. Вы правы – письмо могло быть подброшено в любой день не ранее восьмого января.

– И еще, Юрий Петрович. У вас глухой почтовый ящик или в нем есть отверстия?

– И здесь вы правы, Игорь Михайлович. Письмо было свернуто в трубочку и просунуто в одну из трех дырочек.

– Я прочту это письмо вслух?

– Обязательно!.. Я для этого к вам и пришел... Только я вас прошу: прочтите и найдите мою жену.

– Постараемся, Юрий Петрович. Но я думаю, что процесс будет несколько сложнее.

ГЛАВА ВТОРАЯ

12 января 1997 года.

Поезд «Москва – Севастополь»

Олег Крылов проснулся на остановке.

Это был, вероятно, Курск или Орел... В поезде он всегда просыпался именно на остановках.

Не от рывков, не от гудков встречных поездов, а именно на остановках, когда тело, привыкшее к покачиванию и подбрасыванию, вдруг попадает в состояние полного покоя.

События вчерашнего суматошного вечера медленно вспоминались и выстраивались по порядку.

Решение о направлении Олега в Севастополь было принято сразу же после прочтения письма похитителей.

Почти не вязавший лыко Павленко взял на себя труд достать билеты на ближайший самолет до Симферополя... Однако, через час, когда снаряженный и экипированный Крылов вновь появился в офисе, Павленко заявил, что с полетом на юг – «труба дело».

Оказалось, что задерживаются уже три рейса. И всё потому, что в Крыму застряли все самолеты – там нет керосина.

Олег бросился на вокзал... Он не собирался шиковать! Ему нужно было место в обычном купейном вагоне. Но после долгих поисков кассирша смогла найти только один билет в СВ.

То, что она очень плохо искала, Олег понял уже вчера... Опаздывая, он вскочил в последний вагон и пробирался к своему месту почти через весь состав... Пассажиров в поезде было в пять раз меньше, чем свободных мест.

А опоздал он из-за Варвары, которая примчалась на вокзал за пять минут до отправления поезда.

Она говорила быстро, много и сумбурно... Олег запомнил только одну фразу из ее взволнованной речи. Она повторила ее пять раз: «Ты только смотри, не опоздай».

И он не опоздал! Правда, сто метров ему пришлось бежать по перрону за последним вагоном, перескакивая через баулы челноков и тележки носильщиков.

Важно, что Варвара передала ему папку, на которой рукой Савенкова было написано: «Лично тов. Крылову».

Информационная сводка: «За последний час»... Это действительно были те сведения, которые Игорь Михайлович смог вытянуть из несчастного мужа в последние час или два, пока Олег собирал вещи и покупал билеты.

Олег проснулся окончательно!

Он решил быстро привести себя в порядок и начать работать с папкой, пока еще спит сосед.

Станный сосед!.. Вчера они перекинулись всего парой фраз. Было уже поздно, и после билетных и постельных формальностей они сразу завалились спать.

Сосед был лет на пять старше Олега. Со стороны они показались бы очень похожими, как братья или как члены одной команды: кроссовки, джинсы, серые спортивные куртки, минимум вещей...

Олег разложил на столе папку... Шут с ним, с соседом. Он кто? Так – попутчик... А тут дело надо делать, спасти рыжеволосую Зою Александровну Шорину, пятьдесят седьмого года рождения.

Первым делом Крылов взял ксерокопию письма похитителей... Вчера он слышал этот текст, но в него надо было взглядеться, вчитаться. Надо по отдельным словам, речевым оборотам, по всей логике этого письма представить себе его, своего противника.

Обращение было написано аккуратно, почти печатными буквами... Ровные поля, четкие интервалы, одинаковый размер букв и в начале, и в конце письма... Кто это писал: архитектор, чертежник? Или просто дотошная, исполнительная женщина, которой дали текст и образец печатных букв?..

Теперь сам текст:

«Гр. Шорину Ю.П. Ваша жена пока жива и здорова. Готовьте 200 тыс. долларов и получите ее назад. Даже не думайте обращаться в ФСБ, МВД и т. д. Там везде наши люди.

Будет очень плохо и ей и вам. Подробности передачи денег сообщим через пять дней.

Подумайте, ваша жена стоит этих бумажек или нет?»

Что можно выжать из этого текста?

Спокойный, уверенный тон... Далее – похитителей минимум двое... Они четко знают возможности Шорина: двести тысяч баксов за пять дней он соберет. Это его предел. И они, вероятно, это знают.

Далее – это не головорезы, не отморозки. Нет прямых угроз: будем резать, будем бить... Спокойно, но не менее грозно и веско: «пока жива», «будет очень плохо».

А главное, ни слова о технике передачи денег.

Что они сообщат Шорину через пять дней?.. Теперь уже через три?.. Дадут счет в иностранном банке?

Нет! По такому преступлению любая страна сдаст их с потрохами... Попросят закопать под пальмой в Никитском ботаническом саду?

Нет! На этом их легко поймать. Откапывать-то денежки кто будет? Они?.. Нет, скорее всего, это будут наемные посредники.

На прямой контакт они не пойдут!.. И будет очень неудобное место для наблюдения. Например, этот поезд...

Поезд – очень удобное место!.. Скажем, Шорин получает указание везти деньги в Севастополь в красной сумке. И вдруг в пути сообщение на сотовый: «Брось сумку в окно по правой стороне на таком-то километре за мостом у водокачки. Тогда жена будет на конечной станции».

И все!.. До этой водокачки пять минут! Здесь хоть полвагона муровцев – ничего не успеть решить... Очень хорошая версия!

В других документах и записках были анкетные данные Шорина и его жены, некоторые их связи по Москве, приметы Зои и ее фотография. А еще адреса и телефоны хозяев домов в Севастополе, которые она смотрела и по каким-то причинам отвергла.

Странно, но она по телефону продиктовала Шорину эти данные... Зачем?

Олег нашел только одну записку, которая его действительно заинтересовала.

Варвара писала со слов Шорина: «В Севастополе у нас есть один знакомый. Это Семен Доренко. Я не знаю его телефона, но он очень большой начальник в местной милиции. Полтора года назад мы случайно познакомились в Ялте. Он увез нас на пять дней в Севастополь. Везил по городу, организовал пикник, рыбалку... Оплачивал все я. Не люблю быть должником!.. Больше мы его не видели. Прошу обращаться к нему только в крайнем случае и без официальных заявлений. У похитителей могут быть свои люди и в севастопольской милиции... Доренко сорок лет. Чернявый, с усами, похож на грузина».

Сложив аккуратно папку и сунув ее под подушку, Олег поудобней уселся на диване и закрыл глаза.

Очень может быть, что во всей этой истории есть своя роль и у Доренко...

Позапрошлым летом супруги Шорины общались с ним пять дней... Причем, общались в обстановке шикарного загула!

Пикник, рыбалка, море, яхты, пещеры, ночной костер... Романтическая обстановка... Очень располагающая к флирту.

Вполне могла молодая, симпатичная Зоя положить глаз на высокого, чернявого, усатого «грузина» украинской национальности... А присутствие такого мужа не помеха! Это даже придает остроту... Да, банкир Шорин мог на любом пикнике сесть под куст и до вечера читать учебник по мировой экономике. Он же «ботаник», финансист он!.. Нормальная версия!

Жену Шорин любит, молится на нее. Но большинство женщин млеют, не когда их боготворят, а когда их завоевывают, укрощают.

А Шорин явно не укротитель... Он говорил, что Зоя первая его жена. А женился он в сорок лет... Или, может быть, она вообще его первая женщина.

Такое бывает! Просто все силы у мужика в голову ушли. В кредиты, в трансферты, в курсы валют на лондонской бирже. Здесь все понятно, логично, рационально... А женщины для него загадочные, иррациональные существа, а потому недоступные и пугающие.

Надо искать этого Доренко... Вряд ли он связан с похищением. Но она, Зоя, должна была бы с ним связаться. Просто так. Под предлогом помощи в покупке дома...

Или она вообще ехала только к нему!.. Нужен ей этот дом?

Ей другое нужно!

Крылов открыл глаза и обнаружил, что сосед проснулся, сидит напротив и пристально вглядывается в него, смешно наклоняя голову то вправо, то влево... Так делают овчарки, смотрящие на хозяина и старающиеся понять каждое его слово.

Сосед облегченно вздохнул и улыбнулся:

– Ты здоров, брат? Я пять минут за тобой наблюдаю. Выразительная мимика! То у тебя мировая скорбь на лице, то ехидная усмешка... Ты не актер? Я уж подумал, что ты Гамлета репетируешь... Давай знакомиться... Андрей!

– Олег!.. Олег Крылов.

– Слушай, Олежек... Чего тебя зимой в Крым понесло?

– Работа такая. Я недвижимостью занимаюсь. Продаем-покупаем. Получили заказ на дом в Севастополе. Вот еду подбирать.

– Понятно. Ты хоть деньги за это получаешь. А я дурик!.. Ученым заделался. Сажу в институте, рыбок всяких охраняю. Флору и фауну... Вот направили Черное море инспектировать.

– Давно пора!.. Мне отец рассказывал, что в детстве они креветок ведрами ловили... Плов из мидий делали! А уж бычки, кефаль, камбала... И все исчезло!

– Вот я и говорю – губят природу, гады!.. Всякую химию прямо в море льют... Ну, я им, пакостникам покажу! Они у меня добалуются, они дозагрязняются... Давай не будем о делах. Ты где, Олег, в Москве живешь? Может, мы соседи?

Олег не успел ответить.

В дверь постучали... Затем она медленно приоткрылась, и в купе просунулась голова сорокалетнего мужчины с добродушной, виноватой улыбкой.

– Извините, что я вас отвлекаю, но я по-соседски.

Говоря это, незнакомец мягкими движениями просочился в купе и примостился на краешке дивана.

– У меня к вам предложение... Я, знаете, в санаторий еду. Каждый год от язвы лечусь. Дома не получается в карты поиграть, а на отдыхе иногда балуюсь. Может, пульту распишем? Четвертого я сам найду... А то скука смертная.

Студентом Крылов считался чемпионом курса по преферансу... В последнее время играть не приходилось, и он рад был вспомнить молодость.

Сосед Андрей мялся, подавляя азартное желание играть:

– В преферанс опасно, проигратся можно. А у меня деньги казенные. На весь институт зарплата... Да и долго это в преферанс. Мы на два часа засядем. А мне документы надо почистить. Может быть, в дурачка или в покер какой-нибудь?

– Отлично, можно в покер. Меня Василием зовут.

– Олег.

– Андрей... Но только, Василий, давай недолго... На мне эти документы дурацкие висят. – В глазах Андрея явно разгорелись искорки азарта. – Мы только так, разомнемся, и все. Давай так – три партии, и порядок.

– Договорились – всего три партии... Я за четвертым побежал, уговорю кого-нибудь...

Василий выпорхнул из купе в радостном возбуждении.

Олег про себя определил его как «профессора» – старый темный костюм-тройка, солидный галстук, очки.

После его ухода Андрей встал, расправил плечи, вытащил из сумки нож и проверил его. Десятисантиметровое лезвие выскакивало почти бесшумно.

Он положил нож на подушку и взглянул на недоумевающего Олега.

– Ты что, ничего не понял? Не просек этого жука?.. Они нас «раздеть» собираются. Он же нас за «лохов» принял, за фраеров залетных... Ну я их сейчас «сделаю». Я их на пол-лимона «нагрузу». Ты, Олег, играй, как играется. На меня посматривай и во всем соглашайся.

– Понятно... А ты что, Андрей, правда, зарплату институтскую везешь? Скоро таможня...

– Какую зарплату? А это я так, для понта. Завести их надо было. Чтобы не мелочились.

Василий ввалился в купе как свой человек, таща за собой слегка упирающегося парня лет двадцати пяти. Он тоже был в костюме и при галстукке.

– Еле нашел... Ну никто играть не хочет, – затараторил Василий. – Кто уже пьяный, а кто с женами едет... А что у нас для карт самый большой враг? Скатерть и жена! А здесь и жен не будет, и скатертей... Знакомьтесь – это Юра. Я его в соседнем вагоне нашел. Он и карточный столик с собой принес.

Юра смущенно показал огромный плоский кейс... На одной из его сторон в центре была вмонтирована блестящая металлическая пластинка с дарственной надписью: «Юре от друзей»... И все! Ни даты, ни повода.

– Какой это карточный столик. Так, чемоданчик, подарок от друзей. Не хотелось у себя в купе оставлять. Соседи у меня жуликоватого вида.

– Это правильно, Юра, – добродушно согласился Андрей. – От жуликов лучше подальше держаться. Хорошо мы здесь все свои собрались... Будем начинать? Но у нас карт нет...

– А у нас – есть. – Василий жестом фокусника извлек из внутреннего кармана пиджака нераспечатанную колоду. – Кому поручим сдавать?

– А пусть самый молодой сдает, – мгновенно отпарировал Андрей. – Только скорей, Юра, скорей! У меня уже руки чешутся. Давненько я не играл в карты.

Андрей всячески демонстрировал нетерпение и азарт простачка.

Он потирал руки, часто и глубоко дышал, суматошно переводил взгляд с одного предмета на другой.

В первой игре Олег, сам того не ожидая, взял банк – пятьдесят тысяч.

Вторая игра была дольше. Андрей остался с Василием. Когда банк возрос до двухсот тысяч, «профессор» сурово сдался и бросил карты.

Олег соскочил в третьей игре после первой же ставки... Затем прекратил игру Василий.

Юрий и Андрей упорно увеличивали ставки и согласились открыть карты, когда в банке было четыреста пятьдесят тысяч.

Победил Андрей! Он торжествовал, сгребая деньги и рассовывая их в карманы куртки.

Василий с грустным видом начал новую раздачу, но Андрей мягким жестом остановил его:

– Все, ребята! Я имею дурацкую привычку делать только то, о чем договорился.

– Не понял, – захопал глазами Василий.

– Мы с тобой о чем договаривались? Три партии в покер. Так?

– Да, но тебе же везет... Ты ж скоро нас до нитки обчистишь.

– Не нужны мне ваши нитки. Три партии договаривались, три сыграли... Гуляйте, ребята!

Все четверо встали, плохо помещаясь в маленьком купе.

Самым суетливым оказался Юрий. Он решительно двигал плечами, демонстрируя силу...

Затем он начал напирать на Андрея, засунув в карман правую руку.

– Так не пойдет. Дай отыграться!.. Деньги, гад, давай! Задавлю, сука!.. Урою!!!

Андрей мгновенно перехватил его кулак! А свою правую руку, в которой непонятно как оказался нож, поднес к лицу нападавшего.

Механизм ножа с легким звоном открылся, и тупой конец выскочившего лезвия довольно ощутимо ударил Юрия по кончику носа... Тот зажмурился и попятился, судорожно пытаясь освободить руку, еще находившуюся в кармане и сжимавшую, видимо, кастет.

Андрей толкнул в коридор обоих:

– Проваливайте, сявки вонючие... Или не поняли, на кого нарвались? Брысь!

Он с шумом хлопнул дверь и даже не стал закрывать ее на замок.

Крылов молчал, хотя его распирало от желания задать несколько вопросов.

Когда минут через пять поезд подошел к станции Белгород, Андрей взглянул в окно и жестом подозвал Олега.

На перроне стояли Василий и Юра... Они бурно обсуждали последние события.

Василий был без вещей и, имея свободные руки, отлично жестикулировал. Юрий держал в одной руке «подарок от друзей», а в другой – открытую бутылку водки, к которой, успокаивая нервы, периодически прикладывался.

Слов их беседы не было слышно, но мимика говорила о том, что они загрязняют окружающую среду достаточно крепкими выражениями.

Андрей впервые после их ухода улыбнулся:

– Ты погляди, Олег. На юг они собралась. Лечиться. Один язвенник, другой трезвенник... Я зла на них не держу – работа у них такая. Только зря они завелись в конце. Надо уметь проигрывать... А кинули мы их чуть-чуть. Они сегодня все восполнят. Это мы так, повеселились.

– Андрей, а ты почему перестал играть? Ты же сильнее их играешь? Могли бы еще повеселиться.

– Чудак ты, Олег. Сильнее – слабее... Это когда честно играют. А здесь пройдохи – шулера, профессионалы. У них руки настроженные, чуткие, точные. У них техника настроена... Играть с ними бесполезно. Тут не сам повеселишься, а их повеселишь. Просто я манеру их знаю. Если клиент фешенебельный, с деньгами, то они дают ему три раза выиграть... Жадность у него разжигают. А уже потом работают в полную силу. Могут в середине еще раз про-

играть. Надо у клиента заронить надежду, что тот может отыграться. И уж тогда раздевают до трусов.

– Здорово! Это как на рыбалке. Они три раза подкормку кинули... Ты съел, а от крючка с наживкой уплыл.

– Это же моя профессия. Я ихтиолог! Особенно по крупным рыбам специалист... Только от наживки не я уплыл, а мы уплыли. Бери свою долю. – И Андрей бросил на стол триста тысяч.

– Да ты что, Андрей, не надо.

– Бери, бери. Не густо, но на один поход в ресторан хватит.

– Андрей, а ты говоришь, что технику они какую-то настраивали. Это что такое?

– Учись, студент! Они оба в пиджаках были. Рукава широкие. Сколько там тузов было – не знаю. Они ведь пока в поддавки играли... Это первое... Ты пластинку на кейсе видел?

– Да!.. Подарок от друзей...

– Сомневаюсь я, однако... В любом случае – это зеркальце. Колоду проносишь – нижняя карта открывается. А в покере как раз нижняя и работает... Здесь варианты есть: кто перстень с полированной пластинкой на мизинец наденет, кто зажигалку «Зиппо» небрежно на стол бросит.

– Понятно... А еще? Какие еще хитрости бывают?

– Карты меченые. Колода уже могла быть крапленая. Но, допустим, мы бы свою вытащили. И на этот случай свои способы есть. Видел у Юрки кольцо ребристое?

– Да, Заметил.

– На внутренней стороне, очень возможно, острый шип был. За первые три круга почти все карты через его руки прошли. И порядок, можно играть... А иногда для этих дел ноготь специально затачивают. И берегут его потом. Палец в колпачке держат – рабочий инструмент.

Поезд тронулся, оставив на платформе незадачливых шулеров...

Через час они сядут в поезд до Курска и будут несколько часов отдыхать. С пассажира, едущего с юга, взять нечего!.. Разве что деньги на такси.

Затем они переседают на симферопольский, и будут работать, работать и еще раз работать.

– Даже жалко ребят!.. Мы на коне, а им так и не подфартило. – Андрей произнес это искренне, без капли иронии. – Но это сейчас мы на коне. На маленькой лошадке. На пони... А что будет завтра?.. Все мы, Олег, под Богом ходим. Я прав?.. Вот ты можешь сказать точно, что день грядущий нам готовит?.. Нет!

13 января 1997года. Москва

Савенков еще вчера днем договорился о встрече с Дибичем... Выработанная годами привычка к точности никогда его не подводила. Он открыл дверь в приемную полковника ровно в десять.

По части точности Дибич тоже был педант, но сейчас что-то не складывалось... Секретарша вежливо извинилась: «Анатолий Михайлович очень занят. Советание. Он просил вас подождать».

Савенков ждал уже сорок минут.

Он периодически подходил к широкому окну, под которым шумела легендарная Петровка... Справа реконструировался театр «Эрмитаж», а слева, за деревьями, был виден недавно установленный памятник Высоцкому.

Он мало кому нравился... Вернее, он никому не нравился. И не потому, что был плох, бездушен, бездарен скульптор... Может быть, он даже великий художник! Просто за эту работу нельзя было браться... Высоцкий доступен только в динамике, в движении. Он каждую минуту разный.

Это как море!.. Разве можно его вогнать в мрамор и бронзу?.. Памятник морской волне! Чушь!

В этот момент дверь кабинета распахнулась, и в приемную по одному начали выходить офицеры.

Некоторые, очевидно, пытались задержаться и на ходу решить какие-то свои проблемы. Но Дибич решительно освобождал свой кабинет... Савенков слышал его непреклонный бас:

– Хватит! Ты мне, Севастьянов, бумаги свои не суй... Там у тебя всё гладко! А ты не с бумагами, ты с людьми работай... Иди, иди. И завтра мне доложишь по «Крабу» и по «Подранку»... Вы его три месяца назад подранили. Сажать когда будете?.. Заходи, Игорь!

Когда они остались одни, Дибич минуту молчал, приходя в себя после бурного совещания.

Потом он встрепенулся, расправил усы и широким жестом правой руки обратил внимание Савенкова на обстановку своего нового кабинета.

– Как тебе моя новая хата?.. Генеральская должность – она соответствующей обстановки требует... Долго ты меня, Савенков, в званиях обгонял. Но теперь так и останешься – полковник запаса. А я постараюсь тебя обогнать! Вчера мне намекнули насчет генерала.

– Пока не поздравляю, но мне только приятно будет... Я буду всем представляться: сыщик Савенков, школьный друг генерала Дибича и бизнесмена Павленко.

– Ты себя тоже не принижай!.. Директор фирмы все-таки.

– Не просто директор, а Генеральный директор.

– Верно!.. Вот бисово дитя, и тут ты меня обскакал.

– А ты зря, Дибич, торопишься... Сейчас генералов снимают одного за другим.

– Не всех, не всех... Это, которые в Мерседесах» ездят и коттеджи себе в три этажа строят – этих надо снимать. За дело!.. А я буду генерал новой формации. Со старой гнилой дачкой и «жигуленком».

– Не удержишься, Дибич. Будешь, как все!.. Бытие определяет сознание.

– Удержусь!.. Я из запорожских казаков... Ну, хватит шутки шутковать. Боюсь, не успеем.

Анатолий Михайлович сделал серьезное лицо и многозначительно поднял вверх указательный палец.

– В полдень к министру еду... Давай к делу! Смотри сюда.

Он положил перед Савенковым три листочка, исписанных аккуратным бисерным почерком.

Игорь начал читать, но торопящийся к министру Дибич остановил его:

– Потом, потом внимательно почитаешь... Видишь, даже отпечатать не успели... Есть у Рогова парнишка хороший. Он вчера до двух ночи сидел и эту выборку делал... Здесь по двум делам. Исчезновений и похищений много, но не все тебе подходит... А эти в самый раз! Смотри, год назад руководитель крупной фирмы Попов Сергей. Чисто исчез, никаких следов. Одно только выяснили, что за три недели до этого исчезла его жена Марина. Уехала в Евпаторию и не вернулась. Заявлений он никаких не делал, а через три недели сам исчез... Да, он снял со своего счета крупную сумму, около трехсот тысяч долларов наличными.

– Толя, а вы по Крыму не шурували? По поводу Попова с женой.

– Мы не можем! Они в другом государстве... А запрос мы написали. В ответ не то что отписка, а так – пустышка... Мол, была, лечилась, по окончании срока села в такси желтого цвета и отбыла. Жила в одноместном люксе. Общалась мало. Выявлены две знакомые по месту

отдыха, но они уехали в разные концы СНГ. Установить их адреса не представляется возможным.

– Понятно!.. Сам такие бумажки в молодости писал... А обыски проводили, опросы друзей, на работе?

– Так я же тебе и говорю: чисто исчез!.. Мы все перевернули. Вчера был – сегодня нет... И ни одного намека, ни бумажки, ни зацепки. Ты пока возьми этого Сергея Попова на заметку, но глубоко не копай... Важен пока сам факт: жена уехала в Крым, исчезла, а муж взял крупную сумму, вроде как для выкупа... Похоже?

– Очень похоже... А второе дело?

– Вот!.. Здесь еще интересней. В сентябре прошлого года жена банкира Шмакова едет в Ялту, в середине срока исчезает, а муж получает письмо... Вот, здесь оно переписано.

Дибич потянулся через стол и ткнул пальцем в середину второй страницы. Игорь два раза пробежал текст, рывком встал, затем опять сел и с силой ударил кулаком по столу.

– Попали, Дибич!.. В самую точку попали! Слова немножко другие, но я уверен, что эти тексты один человек сочинял... И похоже, совпадения есть, смотри: «Жена ваша пока жива». Почти дословно...

– Ты, конечно, великий сыщик, Савенков. Но зачем стол мой ломать?.. Так вот, этот Шмаков об исчезновении жены нам не сообщил, что понятно после такого письма. Он дождался звонка, ему сказали, когда и каким поездом ехать. Взял он деньги и поехал. В поезде его нахально ограбили... Он вернулся – и к нам.

– Вы в Ялте работали?

– Не мы. Мы только бумагу получили: ушла и не вернулась, вещи на месте. Связей было много, всех опросили, но безрезультатно. Мы, мол, будем искать дальше... Уже четыре месяца ищут!.. Ты вот что, Савенков, дай мне ксерокопию письма твоему Шорину. Пусть эксперты поработают. Хотя и печатными буквами, но они определяют.

– Возьми.

– И еще главное: то, что эти дела связаны, я печенкой чую. Крым, деньги, письма – это одно. Но ты дальше смотри: Попов и Шмаков все свои дела проводили через банк твоего Шорина... Одним словом: они из одной тусовки!.. И все они трое, и их жены очень могли быть знакомы.

– Верно, Дибич! Богатых у нас не так много. Они все друг друга знают.

– У меня, Игорь, по Крыму руки связаны. Я туда своих ребят послать не могу. А ты можешь!.. Поработай... Кстати, тебя наш банкир финансирует?

– Пока оплачивает все текущие расходы, но при успехе обещал большую премию.

– Отлично!.. Я побежал, Игорь. Нет ни минуты. Могу подбросить до Октябрьской площади.

– Тебя что, сам министр пригласил?

– Сам. Не меня одного... Нас там человек двести будет. Совещание.

Из приемной Дибича Савенков созвонился с банкиром Шмаковым.

И уже через час Игорь был в банке.

Иван Фомич был внешне спокоен.

Четыре месяца спустя после исчезновения жены он ожидал только одного известия и заранее продумал все свои действия к тому моменту, когда найдут ее тело... Весь ритуал: где хоронить, кого пригласить, как поминать.

Другого исхода он уже не мог себе представить.

Много информации эта беседа не принесла.

Конечно, любопытным был момент похищения денег в поезде... Ночью, за десять минут до Белгорода в купе вошли двое в форме таможенников. Верхний свет они не включали, попросили соседа Шмакова подождать за дверью.

Банкир сразу заявил, что везет валюту, но у него есть разрешение на вывоз... Затем он вывалил на столик и то и другое.

Грабители сгребли все это в свой чемоданчик и заявили: «Разрешение фальшивое. Будем разбираться... Одевайтесь. Ждем вас у проводника».

Больше он их не видел... Когда он оделся, поезд уже стоял на станции Белгород.

Приметы грабителей?.. Так темно было! Мужчины в форме. Высокие. Без усов... Обычные спокойные голоса.

Знает ли он Шорина и Попова?.. Слышал. С Шориным даже общался несколько раз...

И жена их могла знать. Особенно их жен. Она часто ходила на презентации, на встречи с артистами, модельерами, в косметические салоны... Мы могли общаться только по делу, а у наших жен было больше поводов и мест для встреч... Могли быть знакомы, но не утверждаю.

Почему жена поехала в Ялту?.. Подруга какая-то посоветовала. Она очень хотела вылечиться, а там лечат именно это... Детей у них не было, а пора бы.

Шмаков встал и отошел к окну.

Он долго стоял спиной к Савенкову, заложив руки за спину... Дальше продолжать разговор было нельзя.

Всегда есть грань, которую не должен переходить даже самый циничный, жестокосердный сыщик.

И все же у порога Савенков произнес:

– Вы извините меня, Иван Фомич. Посмотрите в записных книжках жены, в других бумагах, нет ли упоминаний о Марине Поповой или Зое Шориной.

– Постойте! – Шмаков произнес это громко, приказным тоном, не оборачиваясь и не меняя позы. – Вы сказали, Зоя Шорина?.. Я ничего не утверждаю. Я только точно помню последние слова жены. В купе поезда. За три минуты до отправления... Она обнимала меня и шептала на ухо: «Не беспокойся!.. Зоя точно сказала, что там это лечат. Я вернусь, и у нас сразу будет ребенок... А потом еще и еще. У нас будет много детей... Зоя это точно знает. Я ей верю».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

12 ноября 1920 года. Севастополь

Это был закат белого движения!

Крушение последних надежд... Еще неделю назад казалось, что Крым неприступен для красных, что именно здесь, на этой благодатной земле, удастся на годы и десятилетия сохранить маленький островок того, что тысячу лет называлось Великой Россией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.